

Элизабет Гилберт

жизнь в лесу



ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ АМЕРИКИ

Элизабет Гилберт Жизнь в лесу. Последний герой Америки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43485676

Жизнь в лесу: Последний герой Америки / Элизабет Гилберт ; [пер.

с англ. Ю. Змеевой] : РИПОЛ классик, Пальмира; Москва, Санкт-

Петербург; 2018

ISBN 978-5-386-12175-4

Аннотация

Эта книга – полновесное исследование современной мужской идентичности на примере увлекательной реальной истории Юстаса Конвея. В 1977 году, в возрасте семнадцати лет, Конвей покинул комфортный мегаполис, чтобы перебраться в горы Аппалачей. На протяжении более двух десятилетий он жил там, вооруженный подручными средствами, одетый в шкуры животных, которых он ловил. Тем самым он пытался убедить людей отказаться от своего образа жизни и вернуться обратно к природе.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Элизабет Гилберт

Жизнь в лесу: Последний герой Америки

*Посвящается двум самым потрясающим
женщинам, которых я знаю, —*

*моей старшей сестре Кэтрин Мердок
и дорогой подруге Деборе Люэпниц.*

*Вы даже не представляете, как вы сильно на
меня повлияли.*

*Именно фронтиру¹ американский национальный
характер обязан своими лучшими качествами. Сила
и выносливость в сочетании с любознательностью
и остротой восприятия; практический и
находчивый склад ума, пусть не творческий, но
достаточно мощный, чтобы вершить великие дела;
неуемная энергия, бьющая ключом; абсолютный
индивидуализм, направленный на благие или дурные
цели, и рожденные свободой деятельность и*

¹ Фронтир – это граница между освоенными и неосвоенными поселенцами землями. Исторически фронтиром называлась зона освоения земель первыми поселенцами в США. Фронтир занимал территорию современных штатов Северная Дакота, Южная Дакота, Монтана, Вайоминг, Канзас, Небраска и Техас, которая постепенно расширялась и перемещалась на запад вплоть до Тихоокеанского побережья. В настоящее время под фронтиром подразумеваются неосвоенные территории.

оптимизм – вот характерные черты фронта...
Фредерик Джексон Тернер

Elizabeth Gilbert
The Last American Man

Перевела с английского Ю. Ю. Змеева

Жизнь в лесу: Последний герой Америки / Элизабет Гилберт; [пер. с англ. Ю. Змеевой]. – М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Пальмира», 2018. – 978-5-386-12175-4

The Last American Man Copyright © 2002, Elizabeth Gilbert
All rights reserved © Змеева Ю. Ю., перевод на русский язык,
2018 © Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

Глава I

Какая дикая жизнь! Какой свежий взгляд на жизнь!

Генри Уодсворт Лонгфелло; высказывание об американском первооткрывателе Джоне Фримонте, которому Лонгфелло намеревался посвятить эпическую поэму

К семи годам Юстас Конвей умел метать ножи так метко, что мог пригвоздить к дереву бурундука. К десяти попадал из лука в бегущую белку на расстоянии пятидесяти футов. В двенадцать ушел в лес один с пустыми руками, построил шалаш и неделю питался лишь тем, что росло под ногами. В семнадцать покинул родительский дом, отправился в горы и поселился в вигваме, который построил сам. Добывал огонь, потирая две ветки одну об другую, купался в ледяных ручьях и носил шкуры животных, которых убил на охоте и чье мясо съел.

Юстас переехал в горы в 1977-м. В том же году вышла первая часть «Звездных войн».

Через год, когда ему было восемнадцать, Юстас Конвей переплыл реку Миссисипи на самодельном деревянном каноэ. Водовороты на этой реке засасывали дерево высотой сорок футов и выплевывали его в миле ниже по течению. В следующем году он отправился в поход по Аппалачской тро-

пе² из штата Мэн в Джорджию; почти весь путь он добывал пропитание охотой и собирательством. В последующие годы Юстас исходил немецкие Альпы в кроссовках и обогнул на байдарке всю Аляску. Взялся по скалам в Новой Зеландии и жил с индейцами навахо в Нью-Мексико. В двадцать пять решил посвятить себя более глубокому изучению примитивных культур, чтобы освоить новые первобытные навыки. Прилетел в Гватемалу, сошел с трапа самолета и начал спрашивать прохожих: «И где тут у вас первобытные люди?» Ему указали на джунгли. Он шел несколько дней и наконец набрел на далекую деревню индейцев майя, большинство из которых никогда даже не видели белого человека. Он прожил среди них пять месяцев – учил язык, изучал религию и освоил профессию ткача.

Но самое невероятное приключение ждало Юстаса в 1995 году, когда ему пришлось в голову проехать через всю Америку на лошади. Он взял с собой своего младшего брата Джадсона и близкого друга. Это был отчаянный и совершенно спонтанный поступок. Юстас не знал, возможно ли совершить верховое путешествие по Америке и даже законно ли это. Он просто поужинал с семьей в канун Рождества, надел кобуру, достал из чулана кавалеристское седло, которому было восемьдесят лет (местами оно так протерлось, что

² Аппалачская тропа – самый протяженный в мире (3218 км) размеченный маршрут для пешеходного туризма в североамериканской горной системе Аппалачи.

во время езды жар лошадиного тела обжигал ноги), оседлал коня и отправился в путь. По расчетам Юстаса, к Пасхе он со спутниками должен был достигнуть Тихоокеанского побережья – хотя все, с кем он делился этим планом, смеялись ему в лицо.

Трое всадников гнали коней галопом, преодолевая почти пятьдесят миль в день. Они питались мясом сбитых оленей и супом из белки. Спали в сараях и домах у местных жителей, которые были в полном восторге от их затеи, но, достигнув сухой безлесной пустыни Среднего Запада, каждый вечер падали с лошадей и засыпали прямо на земле, там, где упали. Чуть не погибли под восемнадцатью колесами грузовика, когда однажды на переполненном мосту лошади запаниковали. В штате Миссисипи их чуть не арестовали за то, что они ехали без рубашек. В Сан-Диего они привязали лошадей на газоне между торговым центром и восьмиполосной трассой. Там же на газоне и ночевали, а к полудню следующего дня прибыли на берег Тихого океана. Юстас Конвей направил коня прямо в волны. До Пасхи оставалось десять часов. Он пересек страну за 103 дня, установив мировой рекорд.

По всей Америке самые разные люди восторгались Юстасом на его лошади и задумчиво говорили: «Как бы мы хотели сделать то же самое».

И каждому из этих людей Юстас говорил: «Вы можете». Но я забегая вперед.

Юстас Конвей родился в Южной Каролине в 1961 году. Его семья жила в комфортабельном доме в пригороде, в новом районе, застроенном одинаковыми домами, но прямо на заднем дворе начинался лес, который еще не успели вырубить под строительство. Это был дикий нетронутый первичный лес³ без единой тропинки. Лес, существовавший еще до открытия Америки, где и в наши дни встречались медведи и зыбучие пески. Именно в этом лесу отец Юстаса Конвея, которого тоже звали Юстас Конвей и который знал всё, учил своего юного сына различать растения, птиц и животных американского Юга. Вместе отец и сын бродили в лесах часами, разглядывали кроны деревьев и обсуждали форму листьев. И это первое, что помнит Юстас Конвей: леса, безграничные, как космос; лучи солнца, пронзающие завесу из зеленых листьев; поучающий голос отца; волшебное звучание слов *саранча, береза, тюльпановое дерево*⁴; и прежде незнакомое удовольствие от познания нового, сохраненное памятью тела: внимательно и долго рассматривая все эти деревья, он, еще совсем маленький ребенок, нетвердо стоящий на ногах, вскидывает голову так высоко, что чуть не падает.

Всему же остальному Юстаса годами учила мать. Она научила его ставить палатку, насаживать приманку на крючок,

³ Первичный лес – это лес, который никогда не вырубался и не горел.

⁴ Тюльпановое дерево – дерево из семейства магнолиевых с цветками, по форме напоминающими тюльпаны.

разводить костер, правильно вести себя с дикими животными, плести веревки из травы и искать глину в русле реки. Читать книги с замечательными названиями: «Юный путешественник Дейви Крокетт⁵» и «Мудрость дикого леса»⁶.

Сшивать шкуры оленя. Мать Юстаса Конвея привила ему привычку добиваться полного совершенства во всех делах. Она не была похожа на других матерей. В сравнении со среднестатистической мамой с американского Юга 1960-х она была куда отчаяннее. Выросла в принадлежавшем ее семье летнем лагере, в горах Ашвилла в Северной Каролине, где ее воспитывали как мальчишку. Неисправимая сорвиголова, опытная наездница и умелый плотник, в возрасте двадцати двух лет она продала свою серебряную флейту и купила билет до Аляски, где поселилась в палатке у реки с собакой и ружьем.

Когда Юстасу исполнилось пять, лес за его домом вырубили, очистив территорию под застройку, но вскоре семейство Конвеев переселилось в другой пригород, в Северной Каролине. Городок назывался Гастония, и его окружали дремучие леса. Как только Юстас, его младшие братья и сестра

⁵ Дейви Крокетт – герой американского фронта, первооткрыватель и солдат, ставший известной фигурой американского фольклора.

⁶ «Мудрость дикого леса» – культовая книга Эллсворта Джегера о выживании в условиях дикой природы, впервые опубликованная в 1945 году. Содержит сведения о том, как разводить костры, плавать на байдарке, использовать нож и топор, сооружать шалаши из подручных материалов, использовать лекарственные растения.

научились ходить, миссис Конвей разрешила им бегать по лесу босиком, без рубашек и без присмотра. С рассвета до заката каждая минута их детства прошла в лесу – за исключением того времени, что они проводили в школе и в церкви (потому что в планы миссис Конвей не входило воспитание дикарей).

«Наверное, я была не очень хорошей матерью», – говорит миссис Конвей сейчас, но слова ее звучат не слишком убедительно.

Прочие матери Гастонии, разумеется, ужасались при виде подобных воспитательных методов. Некоторые даже звонили миссис Конвей и с тревогой говорили:

– Разве можно разрешать детям играть в этих лесах! Там же ядовитые змеи!

Спустя тридцать лет их беспокойство по-прежнему вызывает у матери Юстаса улыбку и умиление.

– Можно подумать! – говорит она. – Мои дети всегда могли отличить ядовитых змей от обычных. В том лесу с ними все было в полном порядке.

Американскую историю можно вкратце пересказать в двух словах: сначала был фронтир, а потом его не стало. Все случилось очень быстро. Сначала индейцы, затем первооткрыватели, поселенцы, маленькие города, большие. Никто не обращал внимания на то, что происходит вокруг, – вплоть до того момента, пока дикая природа не была покорена; по-

сле этого все захотели ее вернуть. Последующий приступ ностальгии (взять хотя бы шоу Буффало Билла⁷ и ковбойские полотна Фредерика Ремингтона⁸) знаменовал собой культурную панику совершенно определенного рода, в основе которой лежал вопрос «Кем вырастут наши ребята?».

Проблема была в том, что в классической европейской истории взросления провинциальный юноша, приехав в большой город, становился утонченным джентльменом, в то время как в американской традиции все было с точностью до наоборот. Американский юноша мог считаться взрослым, лишь *бросив цивилизацию* и отправившись в горы. Там он прощался с городскими привычками и становился сильным и работающим мужчиной. Не *джентльменом*, заметьте, а *мужчиной*.

Это был совершенно определенный тип человека – американец, взращенный природой. Он не был интеллектуалом.

Его не интересовали знания и философия. Он питал «некое отвращение ко всему древнему», выражаясь словами Токвиля⁹. Обычно его можно было увидеть «мчащимся по

⁷ Шоу Буффало Билла – шоу бродячих артистов, в котором Дикий Запад предстал в идеализированном виде.

⁸ Фредерик Ремингтон (1861–1909) – американский художник и иллюстратор. Его картины посвящены старому американскому Западу (в основном на них изображены ковбои и индейцы верхом на лошадях).

⁹ Алексис де Токвиль (1805–1859) – французский историк, социолог и политический деятель. Провел всесторонние исследования политического устройства США и жизни рядовых американцев, результаты которых изложил в книге «О

прериям без седла и шляпы верхом на статном скакуне» (так описывал первооткрыватель Джон Фримонт героя американского фронта Кита Карсона). В свободное от прерий время он размахивал громадным топором, «без видимых усилий срубая кедры и дубы», как подметил в XIX веке один довольно впечатлившийся иностранный гость.

Надо сказать, что для всех иностранных гостей в XVIII и XIX веке американские мужчины были сами по себе туристической достопримечательностью, причем не менее интересной, чем Ниагарский водопад, новая суперсовременная железная дорога и экзотические индейцы. («На свете нет людей тщеславнее американцев, даже французы им не чета, – писал один британский наблюдатель в 1818 году. – Американцы считают свою голову идеальной энциклопедией и уверены, что иностранцы ничему не могут их научить».) И всё же все соглашались – хорошо это или плохо, это отдельный вопрос – с тем, что перед ними новый вид человека и что определяющим качеством американцев является их находчивость – следствие того, что Новый Свет им пришлось отвоевывать у самой природы. Не обремененные классовыми ограничениями, бюрократией и нерешительностью, свойственной городским жителям, американцы за один день могли сделать столько дел, что это казалось невозможным. В том-то и дело: никто просто не мог поверить, как быстро американцы умеют работать.

Немец Готтфрид Дюден, который приехал на Запад в 1824 году с целью найти подходящее жилье для немецких семей, заинтересованных в эмиграции, писал домой в изумлении: «Строительные работы, на которые в Европе уходят века, в Северной Америке завершаются за несколько лет благодаря добровольному сотрудничеству отдельных граждан». В год приезда Дюдена фермеры из Огайо строили канал длиной 230 миль. На строительстве не было занято ни одного профессионального инженера. Дюден увидел «прекрасные города», которые расцветали на том самом месте, где два года назад не было ничего. Новые дороги, новые мосты, «тысячи новых ферм» и «сотни пароходов» – эти новые корабли были построены руками людей, умело спроектированы и работали идеально. Если американцу нужно было что-то сделать, он просто брался и делал.

Эта идея, эта концепция отважного и трудоспособного гражданина Нового Света таила в себе огромную привлекательность. Английская писательница Изабель Берд, получившая известность благодаря своим холодным, объективным очеркам о путешествиях, едва сдерживалась, казалось, от девчоночьего визга, описывая крепких парней, которых встретила в путешествии по Америке в 1850-е годы:

«Тому, кто не видел ни одного из представителей породы „мужчин с Запада“, невозможно объяснить, что это такое... Они высокие, красивые, широкоплечие и мускулистые; у них орлиный нос, пронизывающие серые глаза и курчавые каш-

тановые волосы и борода. Они носят кожаные куртки, кожаные штаны, тяжелые сапоги с вышитыми отворотами, серебряные шпоры и кепи из алой ткани, расшитой слегка обтрепанной золотой нитью – несомненно, подаренной какой-нибудь представительницей прекрасного пола, пленившейся красотой и смелостью этих охотников. В их присутствии никому не бывало скучно; они умели рассказывать истории, насвистывать мелодии и петь... То были веселые и удалые песни об отчаянной жизни на Западе, рыцарские по духу и свободные, как ветер».

Конечно, меня там не было. И я не могу знать, насколько эти впечатления правдивы, а в какой мере рождены желанием восторженной иностранки поделиться сенсационными новостями. Я знаю лишь, что мы, американцы, купились на эту рекламу. Мы купились на нее и добавили ее в наш и без того полный котел доморощенных мифов. Так и появилось универсальное представление о том, какими были настоящие американцы и из какого теста они были сделаны. Ковбой Пекос Билл¹⁰. Лесоруб Пол Баньян¹¹. Они меняли ход рек, погоняя могучих синих волов, и укрощали диких лошадей, надев на них поводья из гремучих змей. Они были непобедимыми героями, рожденными легендами фронта. И все это знали.

¹⁰ Пекос Билл – легендарный ковбой, фольклорный герой Дикого Запада.

¹¹ Пол Баньян – герой американского фольклора, мифологический лесоруб, гигант нечеловеческой силы.

И потому Фредерик Джексон Тернер был не единственным, кто забеспокоился, услышав неожиданную и официальную новость Департамента по переписи населения от 1890 года: американского фронта вдруг не стало. Но он был первым, кто задал вопрос: чем обернется исчезновение фронта для будущих поколений? Его беспокойство передалось другим; зазвучали новые вопросы. Кем вырастут наши ребята, если непокоренных территорий не осталось и нигде будет проявить себя?

Что, если они станут изнеженными, бездеятельными слабаками?

И что, если они, боже упаси, станут *похожими на европейцев*?

Я познакомилась с Юстасом Конвеем не где-нибудь, а в Нью-Йорке. Это было в 1993 году.

Нас познакомил его брат Джадсон, ковбой. Я работала вместе с Джадсоном на ранчо в Скалистых горах Вайоминга. Тогда мне было двадцать два, и я изображала ковбоя с Запада, что стоило немалых усилий, потому что на самом деле я родом из Коннектикута, где прежде играла в хоккей на траве. Но я приехала в Вайоминг, чтобы обрести опыт и увидеть настоящую жизнь, которую, как мне казалось, может дать лишь американский фронтир – или то, что от него осталось.

Я искала американский фронтир с тем же рвением, что и

мои родители двадцать лет назад. Тогда они купили три акра земли в Новой Англии и затеяли игру в первых поселенцев. У них были куры, козы и пчелы; они сами выращивали огородные плоды и зелень, которые мы употребляли в пищу; родители шили одежду, мыли голову в бочке с дождевой водой и обогревали дом (точнее, только две комнаты) собственноручно нарубленными дровами. Я и моя сестра росли в самых что ни на есть спартанских условиях XIX века, несмотря на то что жили в эпоху Рейгана в одном из самых обеспеченных районов Коннектикута, а наша одинокая маленькая ферма стояла на большой трассе всего в миле от загородного клуба.

И что с того? Меня с сестрой поощряли игнорировать эту реальность. Мы собирали ежевику в канавах у шоссе в домо-тканых платьях, а мимо проносились машины и восемнадцатиколесные грузовики сотрясали землю. Мы бегали в школу после утреннего удоя, с засохшим козьим молоком на рукавах. Нас учили не обращать внимания на ценности окружавшей нас культуры и вместо этого сосредоточиться на священном и старинном американском принципе – умении выжить в любых условиях, что считалось главной добродетелью.

Неудивительно, что, когда мне исполнилось двадцать два, я решила: не нужна мне ни магистратура, ни работа в любой из престижных сфер. У меня были другие стремления. Мне хотелось узнать пределы своих возможностей, а сделать это, как мне казалось, можно было только в Вайоминге. Меня

вдохновляли родительский опыт и пламенный призыв Уитмена к американским юношам XIX века: «Не полагайтесь на книги! Полагайтесь на свою страну! Отправляйтесь на Запад и на Юг! Живите среди мужчин и будьте мужчинами! Седлайте лошадей, учитесь быть меткими стрелками и быстрыми гребцами...»

Другими словами, я отправилась в Вайоминг, чтобы стать настоящим мужчиной.

Мне нравилось работать на ранчо. Я была походным поваром. Скакала верхом на лошадях по диким полям, сидела у костра, пила самогон, травила байки, ругалась матом, научилась говорить с акцентом и в целом вела себя как классический жулик, который пытается притвориться настоящим ковбоем. Когда приезжие спрашивали, откуда я родом, я отвечала: «Лаббок, Техас». Если за этим не следовало наводящих вопросов, меня вполне можно было принять за настоящую девчонку с ранчо. Прочие ковбои даже дали мне настоящее ковбойское прозвище. Они звали меня Блейз.

Но только потому, что я сама их попросила.

Мое поведение было насквозь и полностью фальшивым, однако, как юная американка, я имела полное право притворяться. Я всего лишь следовала нашему национальному ритуалу. Притворялась не больше, чем Тедди Рузвельт сто лет назад, когда он, изнеженный денди, уехал из Нью-Йорка на Запад, чтобы стать там крутым мужиком. Он слал домой самовлюбленные, полные гордости за собственную персону

письма, хвастался пережитыми трудностями и гардеробом настоящего мачо. («Вы бы меня видели, – писал он своему другу с Востока, – в сомбреро, юбке из оленьей кожи с бахромой и бусинами, *чапарахо* — брюках для верховой езды из лошадиных шкур – и кожаных сапогах с плетеной шнуровкой и серебряными шпорами».) Я знаю это письмо, потому что и сама писала также многим своим знакомым. («На прошлой неделе купила сапоги из кожи гремучей змеи, – это из моего письма с ранчо родителям в 1991 году, – и уже разносила их в клочья, бегая по конюшне. Хотя какого черта! – они для того и нужны».)

С Джадсоном Конвеем я познакомилась в день своего приезда на ранчо. Джадсон был первым, кого я увидела после долгого путешествия по бескрайним горам Вайоминга, и, можно сказать, я влюбилась в него с первого взгляда. Но не влюбилась в смысле «Давай поженимся!», а в смысле «Вот это парень!». Потому что Джадсон Конвей выглядел так: стройный, красивый, в ковбойской шляпе, слегка надвинутой на глаза, и весь в пыли, что было очень сексуально. Ему осталось лишь подойти ко мне своей развалистой, ковбойской походкой (как в классических голливудских вестернах: «Простите, мэм, но я скакал всю ночь»), и я была готова на что угодно.

Джадсон нравился мне, потому что я была девушкой, и к тому же не слепой, а он был красавцем, каких поискать, – но я также сразу почувствовала, что между нами много общего.

Ему тоже было двадцать два года, и он, как и я, прикидывался ковбоем. Джадсон был таким же парнем с Запада, как и его новая подруга Блейз. Мы были такими же ребятами с Запада, как Фрэнк Браун, еще один двадцатидвухлетний ковбой с нашего ранчо. Фрэнк закончил колледж в Массачусетсе, но теперь отзывался на прозвище Бак. А Хэнк, наш главный, который перед выездом любил с гиканьем крикнуть: «А ну вдарим, парни!», – тот на самом деле был сыном помощника генпрокурора Юты. Мы все играли в одну и ту же игру.

Но Джадсон был моим любимчиком, потому что наша игра приносила ему больше всего удовольствия. У него имелось небольшое культурное преимущество: он был с Юга и умел растягивать слова. Это было так круто! Уолт Уитмен пришел бы в восторг, увидев, как живет Джадсон. Он учился грести и стрелять из лука, объехал всю Америку на товарных поездах и автостопом, целовался с девчонками из всех штатов, рассказывал невероятные истории и был отличным охотником. А как он ездил верхом! Знал всякие трюки – например, когда лошадь шла галопом, он подскакивал на ней вверх и вниз – и умел проделывать разные другие впечатляющие вещи, хоть те и не имели практической ценности для работы на ранчо.

Мы с Джадсоном работали вместе в Вайоминге два года, а потом наши пути разошлись. Но мы не потеряли связь. Как солдат Гражданской войны, Джадсон прилежно писал многословные письма и отсылал их обычной почтой. Никогда не

звонил – только писал. А писать ему было о чем, потому что жизнь его не стояла на месте: весной он охотился на голубей в родной Северной Каролине, летом водил рыболовные туры на Аляску, осенью работал проводником на лосиной охоте в Вайоминге, а зимой помогал туристам, приезжающим на острова Флорида-Кис, во время трофейной рыбалки.

«Хочу научиться рыбачить в соленой воде и поступить на рыболовецкое судно, – писал он в свою первую поездку во Флориду. – Живу у ребят, с которыми как-то катался верхом в Вайоминге. Разговорились с ними, и вот я здесь... Часто бываю в нацпарке Эверглейдс¹² – наблюдаю за птицами, сражаюсь с аллигаторами».

«Я не зарабатываю на жизнь, – это из его письма в первый приезд на Аляску, – а *просто живу*».

Джадсон не раз обещал, что приедет навестить меня в Нью-Йорке, куда я переехала после Вайоминга. («В Гудзоне есть рыба?» – спрашивал он.) Но шли годы, а он так и не заехал; а я и не надеялась его увидеть. («Значит, замуж собралась? – написал он однажды, отвечая на мое длинное письмо. – Надо было мне все-таки приехать...») А потом, спустя годы после нашей последней встречи, он вдруг позвонил. Это было само по себе удивительно. Джадсон не пользуется телефоном, когда под рукой есть почтовые марки. Но это был срочный звонок. Джадсон сообщил, что прилетает в

¹² Эверглейдс – национальный парк в штате Флорида, самая большая дикая болотистая субтропическая местность Соединенных Штатов.

Нью-Йорк на следующий день – ко мне в гости. Вот так взял и решил. Хочет посмотреть большой город. А потом добавил, что с ним будет его старший брат Юстас.

И действительно, братья Конвей приехали на следующее утро. Вышли из желтого такси прямо напротив моего дома и встали, являя собой самое неправдоподобное и фантастическое зрелище. Красавчик Джадсон был похож на сельского сердцееда из вестерна. А рядом с ним стоял его брат – вылитый Дейви Крокетт.

Я знала, что передо мной вылитый Дейви Крокетт, потому что прохожие на улице тут же стали кричать:

– Йоу, чувак! Это ж вылитый Дейви Крокетт, мать его!

– Зацени, братан: Дейви Крокетт. Одно лицо!

– Король фронта, мать его!

Разумеется, некоторые ньюйоркцы приняли его за Дэниэла Буна, мать его, – но каждому нашлось что сказать по поводу этой колоритной фигуры, как ни в чем ни бывало расхаживавшей по улицам Манхэттена в одежде из оленьих шкур и с гигантским ножом за поясом.

Вылитый Дейви Крокетт, мать его.

Так я познакомилась с Юстасом Конвеем.

За два дня среди нью-йоркских небоскребов, которые вдруг стали казаться нелепыми, я узнала всё о жизни Юстаса Конвея. В один из вечеров я повела Джадсона и Юстаса в одно злчное место в Ист-Виллидж пропустить по маленькой;

пока Джадсон танцевал со всеми симпатичными девчонками и рассказывал им увлекательные байки о жизни на ранчо, мы с Юстасом сели в уголке, и Юстас не торопясь поведал мне о том, как прожил семнадцать лет в вигваме в Северной Каролине, на южных склонах Аппалачей. Он называл свои владения Черепашьим островом – в честь большой черепахи, которая, согласно индейской легенде о Сотворении мира, носит на спине Землю. Юстас сказал, что ему принадлежат тысяча акров земли в лесу, совершенно неосвоенная территория, и заповедное водохранилище.

Мне стало любопытно. Как человек, который питается опоссумами и подтирает зад листьями, сумел накопить на тысячу акров девственного леса? Но оказалось, Юстас Конвей был не так уж прост. Он скупил эту землю постепенно за деньги, заработанные лекциями в местных школах, где он учил восторженную мелюзгу питаться опоссумами и подтирать зад листьями. Земля, признался он, это единственное, на что он потратил деньги за всю жизнь. Все остальное он мог сделать своими руками – построить, вырастить или убить. Он добывал еду охотой, пил воду из речки и сам шил себе одежду...

Юстас признался, что люди слишком романтизируют его образ жизни. Потому что, когда его спрашивают, чем он зарабатывает на жизнь, он отвечает: «Живу в лесу». Каждый собеседник сразу млеет и мечтательно произносит: «О лес! О лес! Обожаю лес!», – как будто Юстас целыми днями толь-

ко и делает, что пьет росу с лепестков клевера. Нет, «жизнь в лесу» для Юстаса Конвея означала совсем другое.

Несколько лет назад, к примеру, он охотился на оленя зимой и увидел великолепной красоты восьмилетнего самца, который кормился в кустах. Юстас выстрелил. Олень упал. Юстас не знал, мертв ли олень, и стал ждать, не попытается ли тот подняться и убежать. Олень не шевелился. Медленно и бесшумно Юстас подкрался к тому месту, где упал олень, и увидел, что громадный зверь лежит на боку, а из носа его течет тонкая парующая струйка крови. Глаза оленя двигались – он был жив.

«Вставай, братец! – крикнул Юстас. – Вставай, и я прикончу тебя!»

Олень не двигался. Было невыносимо смотреть, как он лежит там раненный, но стрелять в упор в его прекрасную голову также невыносимо. Поэтому Юстас достал из-за пояса нож и вскрыл оленю яремную вену. Еще живой олень взбрыкнул и начал бодаться. Юстас ухватился за рога, по-прежнему сжимая нож, и началась борьба. Человек и животное продрались через кусты, скатились по откосу; олень брыкался, Юстас пытался направить острые рога в стволы деревьев и камни. Наконец он разжал одну руку и перерезал оленью шею – рассек вены, артерии, горло. Но животное все еще брыкалось. Тогда Юстас ткнул его мордой в землю, прижал голову коленями и удушил умирающего зверя. А потом облил руки в его крови и размазал ее по своему лицу. Юстас

плакал и смеялся и в экстазе благодарил Вселенную за это чудо – удивительное существо, которое столь мужественно пожертвовало жизнью ради того, чтобы он, Юстас, мог выжить.

Вот что Юстас Конвей понимал под «жизнью в лесу».

Наутро после нашего разговора в баре я и братья пошли гулять в парк Томпкинс-Сквер¹³. Там я с Джадсоном потеряла Юстаса. Я нигде не могла его найти и заволновалась – подумала, что в непривычной среде он беспомощен и уязвим. Но когда наконец обнаружила его, он был занят приятной беседой с такой страшной шайкой драгдилеров, которых никто не хотел бы встретить в темном переулке. Они угостили его крэком; Юстас вежливо отказался, но продолжил разговор о других вещах.

– Йоу, чувак, – обращался к нему один из драгдилеров в тот момент, когда я подошла, – где ты прикупил такую крутую рубашку?

Юстас объяснил, что не купил свою рубашку, а пошил сам. Из оленьей шкуры. Он в деталях описал, как выстрелом из ружья убил оленя, освежевал его («Вот этим самым ножом!»), выдубил шкуру при помощи оленьих мозгов, раскроил ее и сшил рубашку сухожилиями, извлеченными из позвоночника зверя. Он заверил торговцев наркотиками, что это не так уж сложно и при желании они могут сделать то же

¹³ Томпкинс-Сквер – городской парк в Ист-Виллидж.

самое. А случись им посетить его домик в горах, его Черепаший остров, он с удовольствием обучит их всем премудростям выживания в диких условиях.

Я сказала:

– Юстас, нам пора.

Члены шайки пожали ему руку и сказали:

– Ты крут, Юстас. Ты крут.

Вот так Юстас общается со всеми – при любой возможности старается рассказать людям о природе. При этом он не отшельник, не хиппи и не адепт апокалипсических теорий. Он живет в лесу не потому, что прячется от людей, и не потому, что выращивает марихуану, и не потому, что там у него склад оружия на случай неминуемой расовой войны. Он живет в лесу, потому что там его место. И он пытается вдохновить других людей составить ему компанию, потому что верит, что его призвание, ни больше ни меньше, – возродить американский дух, снова научив граждан нашей страны жить на фронтире. Другими словами, Юстас Конвей считает, что его призвание – изменить мир.

Черепаший остров – идеальный мир площадью тысячу акров, созданный по собственному плану Юстаса, – был задуман как школа, дикий университет, монастырь под открытым небом. После того как Юстас годами изучал примитивные сообщества, после того как дикая природа бесчисленное множество раз способствовала его саморазвитию, у него сложилась целая теория. Он убежден, что современное амери-

канское общество сможет избавиться от царящего в нем морального разложения, от жадности и недугов, лишь ощутив тот восторг, что возникает при непосредственном соприкосновении с «высоким искусством и добродетелью природы».

Он верит, что наше постоянное стремление к комфорту уничтожает неприрученную красоту природы, нашей истинной среды обитания, которая очень многому способна нас научить, заменяя ее красотой безопасной, но насквозь фальшивой «среды». Юстас видит перед собой общество, идущее по пути деградации, к которой его подталкивает пресловутая американская находчивость. Умные, амбициозные, вечно стремящиеся к большей эффективности, всего за два коротких века мы создали вокруг себя мир круглосуточного комфорта, где достаточно лишь нажать кнопку, чтобы получить желаемое. Для удовлетворения основных человеческих потребностей, таких как еда, одежда, крыша над головой, развлечения, транспорт и даже сексуальные удовольствия, нам не нужно больше трудиться, исполнять ритуалы и даже *осознавать* эти самые потребности. Теперь, чтобы получить всё это, нужны всего лишь деньги. Или кредитная карточка. Поэтому никто больше ничего не умеет делать. Все владеют одним узким специальным навыком, который позволяет заработать достаточно денег, чтобы оплатить удобства и услуги, необходимые современному человеку.

Но, заменив все сложности нажатием кнопки, мы что-то потеряли – и Юстас единственный, кто чувствует эту поте-

рю. Наш народ все чаще страдает от депрессии и стрессов, и это неудивительно. Говорят, что все современные удобства служат для того, чтобы сэкономить нам время. Но что мы будем *делать* в это свободное время? Мы создали систему, которая удовлетворяет все наши потребности, не вынуждая нас прилагать усилия и действовать, и теперь можем заполнить свободное время... но чем?

Ну, прежде всего, для этого есть телевидение – целая куча телепрограмм, которые отнимают часы, дни, недели и месяцы жизни среднего американца. Кроме того, работа. С каждым годом американцы проводят на работе всё больше и больше времени; почти в каждой семье оба родителя (при условии, что семья полная) просто вынуждены работать полный день, чтобы иметь возможность оплатить все товары и услуги. А работа означает время на дорогу. А это означает стресс. Меньше времени на семью и друзей. Еду в машине по пути на работу. Здоровье, которое ухудшается из года в год. (За всю историю человечества ни в одной стране не было столько толстяков и ведущих сидячий образ жизни людей, как в Америке. И с каждым годом средний американец всё набирает и набирает в весе. Такое впечатление, что нам так же плевать на наше здоровье, как и на природные ресурсы: мы считаем, что, если откажет жизненно важный орган, всегда можно купить новый. Мы уверены, что кто-то другой всё за нас сделает. И точно так же мы верим, что кто-то другой посадит новый лес, если мы вырубим старый. Если вообще

заметим, что леса больше нет.)

Эта позиция не только эгоистична — она также свидетельствует о том, как далеко мы ушли от истоков. Мы потеряли всякую связь с природой. Вот так всё просто. Мы больше не выращиваем плоды и овощи, поэтому нам незачем обращать внимание на ту же смену времен года. Какая разница, зима на дворе или лето, если клубника продается круглый год? Если круглый год можно поддерживать комфортную температуру 70 градусов по Фаренгейту¹⁴ в жилище, как мы заметим, что близится осень? Должны ли мы готовиться к осени? Проявлять к ней уважение? Или задумываться о том, есть ли связь между конечностью нашего существования и осенью, временем, когда всё живое в природе умирает? А когда снова приходит весна, должны ли мы замечать возрождение всего живого? Нужно ли остановиться ненадолго и, возможно, поблагодарить кого-нибудь за это? Порадоваться этому? Если никогда не выходить из дома, кроме как на работу, нужно ли вообще *замечать* эту мощную, сокрушительную, невероятную и вечную жизненную силу, которая течет и изменяется вокруг нас беспрестанно?

Ответ очевиден: нет. Потому что мы больше не обращаем на эту силу внимания. Так кажется Юстасу Конвею, когда он смотрит на Америку. Он видит людей, утративших связь с естественными циклами, которые в течение тысячелетий лежали в основе человеческого существования и человеческой

¹⁴ 21 градус по Цельсию.

культуры. Утратив эту жизненно важную связь с природой, мы рискуем утратить нашу человечность. Мы не инопланетяне на нашей планете; Земля наш дом, и все живые существа состоят с нами в родстве. Эта планета подарила нам жизнь, и здесь мы умрем, а в промежутке это наш дом. И нам никогда не понять самих себя, если мы не знакомы с законами жизни на Земле хотя бы в общих чертах. Нам необходимо это знание, чтобы осмыслить нашу жизнь в более глобальном, метафизическом контексте.

Но пока Юстас видит пугающее зрелище: мы настолько оторваны от естественных ритмов, что идем по жизни как сомнамбулы: слепые, глухие, лишенные чувств. Как роботы мы обитаем в стерильной среде, в которой притупляется ум, ослабляется тело и атрофируется душа. Но Юстас верит, что в наших силах снова стать людьми. Мы снова становимся людьми, когда задумываемся о том, сколько лет той или иной горе. Когда наблюдаем за идеальным ритмом приливов и отливов, рассветов и закатов. Когда собственными глазами видим жестокую красоту убийства ради выживания. Замечая каждый нюанс нашего природного окружения, мы наконец видим картину целиком и осознаем, что каждому из нас даётся лишь один ослепительный момент жизни на Земле, – и мы должны встретить эту реальность с восторгом и ощущением собственной ничтожности, покоровшись законам Вселенной и исполнившись благодарности за возможность быть ее частью – пусть малой, но все-таки неотъемлемой.

Сама по себе эта идея не радикальна. Этими же понятиями оперируют все приверженцы экологического образа жизни на Земле. Но Юстас Конвей отличается от них тем, что он с раннего детства испытывал абсолютную уверенность в том, что его личное предназначение – помочь американцам вырваться из этого сомнамбулического существования. Он всегда верил, что лишь у него одного есть на это силы, лишь он один может взять на себя ответственность и стать вестником перемен. Один человек, одна идея.

А идея, собственно, заключалась в том, чтобы заманить американцев в таинственный утопический мир, построенный в лесу Юстасом. Там под его руководством они избавились бы от слабости, невежества и мелочности – последствий современного воспитания. Используя свое обаяние как приманку, он завел бы людей обратно в леса, снял с их глаз шторы, показал бы им великолепные пейзажи нетронутого фронта и воскликнул: «Смотрите же!» Затем отступил бы в сторону и начал любоваться пробуждением.

Юстас всегда хотел, чтобы к нему приезжали дети и жили в примитивных летних лагерях, но и взрослых он принимал с радостью. Они становились его «учениками» и в течение довольно длительного времени всерьез изучали жизнь в условиях дикой природы под его руководством. Разумеется, он понимал, что невозможно затащить в лес всех американцев до последнего, и потому дал клятву выбирать в «мир» и проповедовать свою идею, быть проводником лесного ду-

ха среди людей, нести запах леса в волосах, на коже, в своих словах. Он проповедовал свою доктрину в школах, на ярмарках, в супермаркетах, на парковках и бензоколонках — одним словом, везде, где мог. Горячо объяснял свою точку зрения бизнесменам, няням, домохозяйкам, проституткам, миллионерам и наркоманам Америки.

Юстас всегда был уверен, что, вдохновившись его энергией и примером, американский народ постепенно изменится. Отдельные американцы станут более зрелыми и научатся снова быть сильными и находчивыми. Затем они оставят своего учителя и отправятся распространять новые знания среди соотечественников. Через этих проповедников идея Юстаса Конвея о жизни в идеальной согласии с природой передастся от семьи к семье, от города к городу, от округа к округу и от штата к штату, пока наконец все мы не начнем жить, как он: сами выращивать съедобные растения, разжигать огонь с помощью двух палочек и ценить дар человеческого существования. Тогда мы спасем и нашу великую нацию, и всю планету.

Таков был план Юстаса.

Слишком смело? Безусловно. Но Юстас был не таким, как все...

Его нельзя было не воспринимать всерьез. Как восторженно заявлял его брат Джадсон, а я впоследствии убедилась своими глазами, навыки Юстаса по выживанию в условиях дикой природы были поистине бесчисленны. Он умел всё.

У него были все физические и умственные задатки, необходимые, чтобы преуспеть. Идеальное зрение, слух, чувство равновесия, рефлекс и сосредоточение. Развитые мышцы и легкое, но сильное тело, как у прирожденного бегуна на средние дистанции. Его тело было способно на всё, что от него требовалось. Как и ум. Юстасу достаточно было однажды услышать какую-нибудь мысль или понаблюдать за процессом, чтобы воспроизвести его в точности, закрепить навык и немедленно начать совершенствовать принципы этого процесса. Мне никогда не приходилось встречать людей, которые были бы так внимательны к своему непосредственному окружению. Цитируя слова Генри Адамса об одном из ранних американских поселенцев, можно сказать, что ум Юстаса был похож на «режущий инструмент – практичный, экономичный, острый и точный».

Людам с таким складом ума свойственна шокирующая честность. Когда я однажды спросила Юстаса, есть ли что-нибудь, что он *не* умеет делать, он ответил: «Нет, наверное, ничего, что давалось бы мне с большим трудом». Другими словами, его убежденность в том, что он может изменить мир, подкрепляется уверенностью в своих силах. Добавьте к этому непоколебимую силу воли и твердую жизненную позицию прирожденного реформатора. А еще обаяние, которое воздействует на каждого, с кем Юстасу случится вступить в разговор.

На Черепашьем острове я впервые побывала в 1995 году.

В середине моего отпуска Юстас должен был покинуть горы, и я поехала с ним. Ему пришлось выйти из леса (а он часто это делает), чтобы рассказать о жизни в лесу, заработать денег и разнести благую весть. И вот мы проехали через всю Северную Каролину и очутились в маленьком летнем лагере, где детей учили экологически ответственному образу жизни. Группа угрюмых подростков собралась в столовой в ожидании вечернего мероприятия, и на первый взгляд все они казались придурками – кричали, хамили, толкались, визжали и хохотали. Задачей Юстаса было увлечь этих деток идеей жизни на лоне природы.

«Ничего хорошего из этого не выйдет», – подумала я тогда.

Юстас, в джинсах и клетчатой рубашке – в тот раз обошлось без оленьих шкур, – вышел на сцену и зашагал к микрофону. На шее у Юстаса висели два больших клыка койота. К поясу был пристегнут нож.

Дети по-прежнему визжали, пихались и хихикали.

Юстас, худой и серьезный, стоял у микрофона, сунув руки в карманы. Помолчав немного, он сказал:

– Я не привык кричать, поэтому и сегодня буду говорить тихо.

Толчки, визг и смех прекратились. Кривляющиеся подростки в благоговении обратили взоры на Юстаса. Мертвая тишина наступила как по команде, клянусь. Прямо как в

книжке «Учителю с любовью»¹⁵.

– Я ушел в лес, когда мне было семнадцать, – заговорил Юстас. – Я был немногим старше, чем вы сейчас... – И он поведал о своей жизни.

Дети смотрели на него, как загипнотизированные: в тот момент можно было каждому из них делать прививку, и они этого не заметили бы. Юстас рассказал им о выживании в условиях дикой природы и своих приключениях и произнес свою знаменитую речь о мире коробок и мире кругов.

– Я живу среди природы, где все взаимосвязано, все представляет собой круг, – сказал он. – Времена года сменяются по кругу. Наша планета круглая и движется вокруг солнца. Вода в природе также перемещается по кругу – падает с неба и разносится по Земле, распространяет жизнь, а затем испаряется. Я живу в круглом вигваме и развожу костер круглой формы, а когда ко мне приходят близкие, мы садимся в круг и разговариваем. Жизненные циклы растений и животных также кругообразны. Я живу на лоне природе и вижу это своими глазами. Древние люди понимали, что наш мир представляет собой круг, но мы, люди современные, больше этого не замечаем. Я не живу в зданиях, потому что здания – это мертвое место, где ничего не растет, не течет вода, где кончается жизнь. Я не хочу жить там, где нет жизни. Люди говорят, что я отказываюсь жить в реальном мире, но на са-

¹⁵ «Учителю с любовью» (1959) – роман Э. Р. Брэйтуэйта о работе с трудными учениками в лондонской чернокожей школе.

мом деле это они, современные американцы, живут в мире придуманном, потому что разорвали связь с естественными жизненными циклами...

– Круговорот жизни яснее всего предстал передо мной, – продолжил Юстас, – когда я ехал на лошади по Америке и увидел труп недавно погибшего койота. От жары в пустыне тело койота превратилось в мумию, но вокруг зеленым кольцом уже росла свежая трава. Животное отдавало земле питательные вещества, и та возрождалась снова. Тогда я понял, что это не смерть, а вечная жизнь. Я вынул у койота зубы и сделал себе это ожерелье, которое всегда висит у меня на шее, чтобы я не забывал этот урок...

– Но жизнь сегодняшних людей – представляет ли она собой круг? – спросил он. И сам ответил: – Нет. Их жизнь – это коробка. Они просыпаются каждое утро в коробке – своей спальне, – потому что другая коробка рядом начинает пищать, сообщая, что пора вставать. Едят завтрак из коробки, а потом выбрасывают эту коробку в другую коробку. Потом выходят из коробки, в которой живут, садятся в коробку на колесах и едут на работу, а это еще одна большая коробка, разделенная на сотни маленьких коробочек, где люди целый день сидят и смотрят в коробки перед собой – компьютерные мониторы. Когда кончается день, все снова садятся в свои коробки на колесах и едут домой, в свои коробки, где весь вечер сидят у телевизора – коробки, которая их развлекает. Они слушают музыку из коробки, едят еду из коробки и

складывают в коробку свою одежду – всю свою жизнь они проживают в коробке! Знакомая картина?

Дети засмеялись и захлопали в ладоши.

– Вылезайте из своих коробок! – призвал детей Юстас. – Вы не обязаны жить так, потому что кто-то сказал, что это единственно возможный путь. Вы не прикованы к своей культуре! Это не единственный способ жить – люди тысячами жили по-другому!

Он говорил еще час, после чего зал взорвался аплодисментами, как на собрании религиозных фанатиков. После лекции Юстас сел на край сцены, выпил из стеклянной бутылки свежей родниковой водой с Черепашьего острова – он везде ее с собой носит. К нему с благоговением подходили притихшие дети, а директор лагеря горячо пожал ему руку и вручил чек на щедрую сумму в скромном конверте.

Дети окружили Юстаса плотным кольцом. Самый крутой хулиган в рэперском наряде подошел и встал рядом с Юстасом. Ударив себя кулаком в грудь, он торжественно произнес:

– Ты рулишь, чувак. Ты реально клевый.

Юстас откинул назад голову и рассмеялся. Другие дети выстроились в очередь, чтобы пожать ему руку, после чего забросали его вопросами.

– А вы можете прямо сейчас развести костер?

– Могу.

– Если бы вас высадили голым посреди Аляски, вы бы вы-

жили?

- Думаю, да. Но если бы у меня был нож, было бы проще.
- Вам было страшно, когда вы впервые ушли в лес?
- Нет. Цивилизация гораздо страшнее леса.
- А ваши родители злились на вас, когда вы ушли?
- Отец не понимал, почему я не хочу жить в современном доме с удобствами, но мама все поняла.
- Вы когда-нибудь болеете?
- Редко.
- А к врачу ходите?
- Никогда.
- Вы умеете водить машину?
- А как бы я сегодня сюда добрался?
- Вы пользуетесь какими-нибудь современными инструментами и приборами?
- Постоянно пользуюсь бензопилой, чтобы расчищать от зарослей землю. Телефоном. Пластиковыми ведрами. Да, пластиковое ведро – это вещь! У меня много корзин и коробок из коры и травы, я знаю, как их делать, и много раз пользовался примитивными методами добычи воды. Но пластиковые ведра, скажу я вам, значительно упрощают дело. Ух! Пластиковые ведра! Чудо. Жить без них не могу.
- А зубная щетка у вас есть?
- В данный момент нет.
- А расческа?
- Раньше у меня была расческа из дикобраза. Но теперь

нет.

– Как это *из дикобраза*?

– Из его щетины.

– И как вы ее раздобыли?!

– Однажды, когда я отправился в поход по Аппалачской тропе, дикобраз спас мне жизнь, и в его честь я сделал расческу из его щетины.

– А как дикобраз спас вам жизнь?

– Он дал мне еду, когда я умирал с голоду.

Последовала длительная пауза: дети пытались понять, что это значит. Потом они хором произнесли: «А-а-а...» – и расспросы продолжились.

– Почему вы умирали с голоду?

– Потому что еды не было.

– Почему не было еды?

– Дело было зимой.

– А сколько времени вы дольше всего не ели?

– В течение двух недель, а потом убил того дикобраза.

– Покажете расческу из его щетины?

– У меня ее больше нет. Как-то раз принес на лекцию вроде этой и показал ребятам примерно вашего возраста, а потом кто-то ее украл. Можете представить, как я расстроился?

– У вас есть ружье?

– Даже несколько.

– Вы когда-нибудь убивали человека?

– Нет.

– А жена у вас есть?

– Нет.

– Почему?

– Наверное, я пока не встретил подходящую женщину.

– А вы хотите жениться?

– Больше всего на свете.

– В лесу бывает одиноко?

Юстас не сразу ответил. Задумался, а потом с улыбкой сказал:

– Только по вечерам.

Позднее тем вечером, когда мы с Юстасом остались наедине, он признался, что у него сердце разрывается, когда он общается с современными американскими подростками. Да, он находит с ними общий язык, но люди не способны понять, как глубоко ранит его невежество этих детей, их безответственность в личных отношениях, неуважение к старшим, защищенность на материальных желаниях и полная беспомощность, которой никогда не встретишь, скажем, у детей амишей¹⁶.

Но я невнимательно слушала жалобы Юстаса, потому что мне не давали покоя несколько вопросов.

– Хотела спросить о сегодняшней лекции, – сказала я. – Вас везде так встречают?

¹⁶ Амиши – христианская секта, проповедующая простую жизнь и отказ от современных удобств.

– Да, – ответил Юстас.

– Люди любого возраста, из всех социальных групп?

– Да.

Я задумалась и после паузы спросила:

– Как вы думаете, почему эти дети так внимательно слушали вас сегодня?

Юстас ответил так быстро, однозначно и прямо, что у меня по спине пробежали мурашки.

– Потому, – сказал он, – что они сразу поняли: я *настоящий*. Раньше им наверняка не приходилось встречать настоящих людей.

Глава 2

*Мой сын, мой палач,
Беру тебя на руки,
Маленький и смиренный, ты только что встал,
Согрею я тебя своим теплом.*

Дональд Холл, «Мой сын, мой палач»¹⁷

Зимой 1975 года, когда Юстасу Конвею было четырнадцать, он начал новый дневник и в самом начале написал:

«Я, Юстас Конвей, живу в довольно большом доме в Гастонии, Северная Каролина. У меня есть мать и отец, а также двое братьев (Уолтон и Джадсон) и сестра (Марта). Я увлекаюсь индейскими ремеслами и фольклором. Недавно организовал группу для исполнения индейских танцев. В группу вхожу я, мой брат Уолтон (старший из двух), Томми Моррис – это мой близкий друг, он живет в двух кварталах от моего дома – и Пит Моррис, брат Томми. Их отец покончил с собой примерно два года назад, но мать скоро опять собирается замуж. Я хожу в музей естественной истории Шиле¹⁸, как

¹⁷ В стихотворении «Мой сын, мой палач» американского поэта Дональда Холла говорится том, как рождение ребенка заставляет родителей задуматься о том, что они смертны.

¹⁸ Рудольф Шиле – американский энтузиаст, коллекционер камней и минералов, основавший музей естествознания и планетарий в Гастонии в 1961 году.

только появляется возможность, потому что мне там нравится, и нравятся люди, которые там работают. Я сам чуть не устроился туда на работу! Моя комната похожа на музей. Я завесил стены индейскими рисунками и фотографиями индейцев, медвежьими шкурами, которые прислал мне дядя с Аляски, и всякими индейскими вещами, которые сделал сам. Больше в моей комнате уже ничего не помещается, там очень мало свободного места, а есть еще столько вещей, которые я не могу там хранить!»

Он был необычным ребенком. Постоянно был чем-то занят. Ходил каждый день в школу, разумеется, – но лишь потому, что так было необходимо. После школы ехал на велосипеде в музей Шиле – небольшой естественно-научный музей с запылившимися диорамами времен Первой мировой войны, изображавшими флору и фауну Северной Каролины. Именно там была его настоящая школа: директор музея, мистер Алан Стаут, проникся симпатией к мальчику и всегда был рад видеть его под крышей музея, ставшего для Юстаса сказочным убежищем.

А Юстаса сложно было не полюбить. У него была потрясающая широкая улыбка, хоть улыбался он редко – был серьезным мальчиком, что мальчикам вообще несвойственно. Стойкий в своих увлечениях, он интересовался геологией, антропологией, историей, биологией – всем, о чем слышал. Мистер Стаут разрешал Юстасу целыми днями возиться в подсобках музея, и мальчик был в полном восторге. («Ни-

кто не знает об индейцах больше мистера Стаута, – с благоговением писал Юстас в своем дневнике. – И еще он пишет прекрасные акварели – пейзажи Теннесси, где он родился и вырос»).) Никогда мистер Стаут не встречал таких детей, как Юстас, и больше не встретит. Стоило дать этому мальчику книгу, как он прочитывал ее от корки до корки, задавал с десяток вопросов, а к следующему вечеру просил новую. Когда мистер Уоррен Кимзи, музейный спец по набиванию чучел, показал Юстасу, как очищать от шкуры и потрошить убитого кролика, мальчик повторил операцию с фанатичным стремлением к совершенству и тут же потребовал другого кролика, чтобы улучшить свой навык.

«Уоррен в музее новичок, – писал Юстас в своем дневнике. – Но он уже успел стать мне ближе всех. Он нравится мне больше всех людей в мире».

Юстас был прекрасным помощником. Его энтузиазм не угасал ни на минуту. Юстас был всегда рад помочь подмести в кладовой или взять на себя любую обязанность, даже если от нее отказались все остальные. Мистер Стаут даже разрешил ему проводить в музее репетиции индейских танцев. Юстас был главным в группе, а мистер Стаут – кем-то вроде тренера. Он возил ребят на соревнования, учил их шить и украшать бусинами традиционные индейские танцевальные костюмы, довольно сложные в изготовлении. Когда Юстас стал старше, мистер Стаут начал брать его в байдарочные походы на реку Катавба Саут-Форк, где он собирал образцы

воды для государственных исследований по экологии. Иногда они с Юстасом вдвоем ходили в походы, и мистер Стаут с восхищением наблюдал, как паренек ловит, убивает, свежует, жарит и ест гремучих змей.

Юстас не просто нравился мистеру Стауту – директор уважал мальчика. Считал его гением. Внимательно следил за взрослением Юстаса Конвея, как Томас Джефферсон – за взрослением своего юного соседа по имени Мерриуэзер Льюис¹⁹ (мальчик, о котором президент всегда вспоминал, что тот «даже в юном возрасте обладал невиданной смелостью, предприимчивостью и прозорливостью»). Кроме того, мистер Стаут чувствовал, что Юстасу просто необходимо где-то проводить время после школы – где угодно, только не дома. Он не знал подробностей жизни семьи Юстаса, но встречал его отца, а этого было достаточно, чтобы понять, что жизнь в «довольно большом доме» на Дирвуд-драйв была несладкой.

И вот Юстас коротал время в музее, после чего убегал в леса за домом. Проверял капканы, охотился на черепаха, протапывал тропинки. И всё, что видел во время своих лесных вылазок, описывал в дневнике. Он вел дневник много лет, но не записывал в нем свои переживания, а скорее дотошно фиксировал все, что произошло с ним за день (от приклю-

¹⁹ Мерриуэзер Льюис (1774–1809) – американский путешественник, офицер. Вместе с Уильямом Кларком (1770–1838) возглавлял экспедицию по освоению Луизианы в 1803 году.

чений на природе до более рутинных событий), и составлял длинные списки того, что предстоит сделать на следующий день.

«Сегодня кормил червяками малыша каймановой черепахи. Смотрел фильм про мальчика и его ручного голубя, репетировал пляску с обручами²⁰ и начал готовить перья для украшения боевого посоха²¹. Потом тренировался играть в настольный теннис. Я делаю успехи. Намерен читать Библию каждый вечер, пока не дочитаю до конца. Возможно, возьмусь за головной убор, который должен быть украшен настоящими перьями из индюшачьего хвоста».

«Сегодня наткнулся на трехдневный след пумы. Поймал пятнистого полоза длиной пять с половиной футов. Поставил капкан на енота в том месте, где видел следы трехдневной давности. Надеюсь поймать его, чтобы использовать его шкуру».

«Начал читать книгу „Войны с западными индейцами“. Начал работу над чучелом оленя – набил две ноги... Марта сказала, что на Гарднер-Парк-драйв сбили белку. Я освежевал ее и заморозил – разделаю потом».

Целая страница в его детских дневниках была озаглавле-

²⁰ Пляска с обручами – индейский танец, демонстрирующий ловкость танцора, который сложным шагом ступает среди больших обручей. Их может быть до четырех, и танцор иногда подбрасывает их, подцепив ногой, так что они падают на землю через его голову.

²¹ Боевой посох – это посох, на котором американские индейцы делали зарубки по числу пораженных в бою врагов.

на «Лягушки». Там он записывал информацию и наблюдения. («Сегодня поймал трех древесных лягушек и посадил в свой террариум объемом 10 галлонов. Наутро обнаружил в поилке кучку икры. Еще я поймал саламандру и посадил ее к лягушкам. По-моему, одна лягушка умерла, потому что я давно не видел их втроем...»)

На первый взгляд Юстас был кем-то вроде Генри Торо²² в миниатюре. Но не совсем. Хотя он был внимателен к окружающей среде, у него никогда не было (и не появится) умения Торо наслаждаться природой в праздности. (К примеру, Торо писал: «Порой летним утром, приняв ванну, как обычно, я мог сидеть на залитом солнцем крыльце от восхода до полудня, погруженный в раздумья среди сосен, орешника и сумахов²³, в полном одиночестве и тишине».) Юстас Конвей никогда не стал бы предаваться подобному праздному декадентству. Даже в детстве он никак не мог сидеть часами и наблюдать за движением солнца в небе – слишком много у него было деятельной энергии. Юстаса постоянно обуревала жажда действия. Его скорее можно сравнить с юным Тедди Рузвельтом, который тоже был энергичным и целеустремленным ребенком, тоже учился у мастера-таксидермиста, с такой же увлеченностью создал мини-музей естествознания

²² Генри Дэвид Торо (1817–1862) – американский писатель, поэт и естествоиспытатель, автор книги «Уолден, или Жизнь в лесу», в которой описал простую жизнь на лоне природы.

²³ Сумах – распространенный в Северной Америке род кустарников.

в собственной спальне и так же аккуратно фиксировал научные наблюдения в своих детских дневниках. Юного Юстаса Конвея, как и Тедди Рузвельта, можно назвать «человеком действия».

Друзей у Юстаса было немного. Он слишком отличался от других детей и даже в возрасте десяти лет это понимал. Глядя на своих ровесников, он видел ребят, которые часами просиживали перед телевизором, а потом обсуждали то, что увидели, и подражали телевизионным персонажам. А он не знал ни одного из этих героев.

Еще у других ребят были странные увлечения. В школьной столовой они играли в игру с непонятными правилами: надо было украсть у других мальчиков карандаши и разломать их надвое; кто сломает больше всего карандашей, получает больше очков. Эта игра вызывала у Юстаса недоумение и расстраивала его. Разве можно с таким неуважением относиться к чужой собственности? Ведь карандаши сделаны из дерева и стоят денег. Он также видел, как в классе мальчишки тратили целые семестры на то, что рисовали гоночные машины в тетрадках – причем каждую на новом листке! Даже тогда Юстас недоумевал: какая напрасная трата времени... и бумаги. Казалось, этим мальчишкам просто нечем заняться. Они умели лишь драться и ломать вещи. Но Юстас всегда мог найти себе полезное занятие; никаких часов в сутках не хватило бы, чтобы выполнить и изучить всё, что ему хотелось.

Многие соседские ребята знали его и участвовали в его жизни, но не были друзьями в обычном для детей смысле: они скорее уже тогда были его учениками. К примеру, Юстас шел по улице, обернув вокруг шеи черного гигантского большеглазого полоза, что не могло не привлечь внимания. Дети собирались вокруг Юстаса и задавали вопросы, а он рассказывал им о повадках и жизни змеи и поручал собрать еды для нее, а особо заинтересованных брал с собой в лес и учил ловить змей самостоятельно. Даже старшие ребята ходили с Юстасом в лес: он учил их строить крепости, следя за процессом, и ходить по болотам в поисках еды для ручных черепах.

Но в школе у Юстаса друзей не было. Без полоза на шее, который мог служить темой для разговора, и лесного пейзажа как свидетельства собственного авторитета он был совершенно безнадежен в общении со сверстниками. В столовой сидел с такими же изгоями, как он сам – умственно отсталыми школьниками, детьми с ортопедическими скобками на ногах и отпрысками беднейших семей Басконии, на которых было грустно смотреть. Но и с этими детьми он не дружил. Они даже не знали его имени. Просто обедали вместе каждый день и с виноватым облегчением отводили взгляд, когда школьные задиры выбирали себе новую жертву.

Но был среди учеников один мальчик по имени Рэнди Кейбл, который переехал в Гастонию недавно. Его родители были горцами из аппалачской деревни. Они переехали

в обеспеченный пригород, чтобы найти работу на местных фабриках. У Рэнди тоже не было друзей. И вот как-то раз в седьмом классе он как обычно играл один на перемене на самом краю детской площадки, где кончался асфальт и начинался лес. Другие дети затеяли шумную игру в бейсбол, но Рэнди Кейбл не умел играть в бейсбол. Он бродил на опушке леса и вдруг нашел черепаху. Едва он стал разглядывать ее и трогать палкой, когда к нему подошел Юстас Конвей – высокий, смуглый и серьезный мальчик.

– Любишь черепах? – спросил он.

– А кто их не любит, – ответил Рэнди.

– Я все о черепахах знаю. У меня на дворе живет больше сотни, – сказал Юстас.

– Да ладно.

– Правда. Хочешь, приходи ко мне домой, я тебе покажу. Рэнди Кейбл подумал: ага, как же.

Но после уроков приехал к Юстасу на велосипеде и собственными глазами убедился, что тот говорил правду. На его дворе действительно жила обширная и ухоженная колония черепах. Несколько десятков клеток и ящичков, в которых проживало более ста черепах разных пород, стояли в тени и были снабжены системой подвода и отвода воды. С шестилетнего возраста Юстас кормил их и ухаживал за ними по круговому графику, тщательно фиксируя всё происходящее в своем дневнике.

Юстас любил черепах. Ему нравился их характер, спокой-

ствие и идеальное душевное равновесие, аура безмятежности и древности, которую они вокруг себя создавали. По части черепах у Юстаса был настоящий талант. Он мог найти черепаху где угодно. Заметить даже хорошо спрятавшуюся черепаху, у которой торчит из травы всего один квадратный дюйм панциря. В детстве Юстас даже пару раз слышал *звук*, который издают черепахи. Он молча шел по лесу, и вдруг до него донеслось это почти беззвучное шипение, когда черепаха быстро втягивает в панцирь голову и лапы. Юстас остановился, замер, оглянулся и увидел ее – маленькую коробчатую черепаху всего в трех футах. Она спряталась в зарослях, укрывшись в своем панцире.

Юстас разработал целую систему по отлову хитрых расписных черепах, которые обитали в прудах и озерах. Притаившись с удочкой на лесистом берегу, он закидывал в воду приманку – большой кусок жирного бекона – в паре футов от греющейся на солнце черепахи. Затем он медленно проводил приманку мимо черепахи, пока та не улавливала запах и не сползала в воду. Тогда Юстас осторожно подманивал ее к берегу, а потом выскакивал из кустов, прыгал в воду с сетью наготове и хватал черепаху, прежде чем та успевала в испуге нырнуть на дно.

Дома он сажал пойманную черепаху в один из фанерных ящиков: каждый такой ящик был изготовлен специально с учетом нужного для животного количества тени, воды и травы. У Юстаса жили замыкающиеся черепахи, иловые чере-

пахи, коробчатые и расписные. Он кормил их раками, овощами и червями (последних разводил сам под бревнами, аккуратно разложенными в лесу за домом). Черепахи Юстаса были так довольны жизнью, что размножились в неволе. Еще у него на заднем дворе жили змеи и осиротевший детеныш лисицы по кличке Спутник. (Местный житель нашел животное и принес в музей, чтобы там о нем позаботились, – а мистер Стаут отдал его Юстасу.) Это была империя Юстаса, где царил полный порядок; именно такой ее увидел Рэнди Кейбл в тот день. Деревенскому парнишке вроде Рэнди всё это показалось раем. И мальчики стали друзьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.